Три дуба

Шел из Соловков странник, слепенький. В каких монастырях он не был, по каким иконам да мощам не прикладывался, не открылись его глаза. Шел странник, пылил лаптями, клюкой по дороге постукивал. Не знал, куда идти, где чуда искать.

Клонилось время к вечеру. Устал странник, захотелось ему есть. Отошел от дороги в сторонку, пошарил вокруг клюкой. Стукнула клюка о камень.

Сел на него странник, вынул из котомки черствого хлеба краюху, перекрестился и стал есть.

У того места, где сел странник, стояли три дуба. Стояли они рядом, сплелись ветвями, как родные братья. Были они крепки, высоки и развесисты.

Сидит странник, ест свою краюху и вдруг слышит:

— Опять, братцы, человек к нам пришел. Попросим его, чтобы за нас помолился.

— Не станет. Сколько приходило… Всякий за своим делом идет, кому о нас молиться?

— Кабы мне про мой грех не рассказывать, так, может, кто и стал бы молиться, а то каждый думает: такого греха не замолишь.

Удивился странник: что, думает, за диковина, кто ж это говорит? Голоса-то такие глухие, словно из-под земли.

— Это мы, Божий человек, — дубы. Трое нас здесь стоит у дороги, трое разбойничков. Наказал нас Господь, заключил нашу душу в древесную плоть… Мы тебе покаемся, а ты помолись за нас, Божий человек.

— Я бы и рад помолиться, — сказал странник, — да молитвы-то мои до Бога не доходливы. Сколько лет вот молюсь, а все слепой.

— Помолись, странник, — просят разбойники, — расскажем мы тебе наши грехи.

— Ну, рассказывайте.

Зашумел правый дуб, словно головой тряхнул:

— Тяжко мне… ох, как тяжко! — начал он и рассказал о том, как тридцать три года без малого ходил с буйной шайкою по Оке-реке. Сколько душ загублено, того не считано, крови пролито море целое… Изо всех грехов один грех всего памятней: загубил он в лесу девицу… Собирала она малину сладкую. Надругался он над ней, а потом всадил острый нож между грудей белых, да повесил за косы на высокий сук.

Зашумел средний дуб так, что листья посыпались.

Рассказал он:

Разбойничал он на Волге-реке. Сколько душ загублено, того не считано, крови пролито море целое. Один грех изо всех самый памятный: пришел он раз в скит к пустыннику, и стал пустынник его наставлять:

«Нет, — говорит, — тебе прощения». Взяли его эти слова за сердце. Ударил он его кистенем и пошел прочь…

Задрожал левый дуб, зашатался:

— Страшен мой грех, нет тяжелей его на свете. Не станешь ты, странник, молиться. Уйдешь — не дослушаешь. — И рассказал Василий, как он был пойман воеводой. Пытал его воевода, про товарищей выспрашивал, а всего-то у него было товарищей — что кистень да булатный нож. Обещал ему воевода, если выдаст головой других — отрубить ему правую руку и отпустить на волю. И стал он со страху, на кого попало поклеп вести, а чтоб крепче воевода словам его поверил, повел поклеп на родную матушку.

— Да, тяжелы ваши грехи, — вздохнул странник, — а все ж помолюсь за ваши души грешные.

Стал странник на колени и начал молиться. Молился он пятнадцать лет. Приносили ему вороны воду и хлеб. Источил он коленями кремень-камень…

Первым повалился правый дуб. Вышла из него душа разбойничья.

Сказала душа: «Светло мне и радостно».

Вторым упал средний дуб. Вышла из него душа разбойничья. Сказала душа: «Светло мне и радостно».

А третий дуб все стоит, как стоял.

Молился странник до кровавых слез; вес не было третьему разбойнику прощения.

— Господи! — раз воскликнул странник в отчаянии, — просил я тебя, чтобы ты открыл мои глаза. Если есть такой грех, которого ты простить не можешь, то не хочу я глядеть на белый свет и лучше мне остаться слепым до смерти.

И повалился тут третий дуб. Вышла душа разбойничья, сказала: «Светло мне и радостно».

А у старика раскрылись глаза, и восхвалил он Господа за Его мудрость и милосердие…